

УДК 101.1: 316.7

Маска и имидж как константы симуляции

Хабибулина Лилия Фэатовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры всемирного культурного наследия,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: lilia-fiat@mail.ru

Аннотация

В статье в контексте современного развития культуры и общества анализируются способы разрешения конфликта симулятивной реальности и человека, теряющего в ней свою экзистенцию. Автор отслеживает грани, за которыми происходит симулякризация самого человека. Ставится вопрос об возможности подлинной самоидентификации современного человека в условиях тотальной симуляции и о возможности ухода от необходимости симулировать. Не отходя от привычной трактовки симуляции, которая чаще ассоциируется с имитацией, подделкой, направленной на то, чтобы исказить истинное положение вещей и ввести в заблуждение, автор выделяет характерные константы симуляции, выражающиеся в концептах маски и имиджа. Новый поворот в толковании феномена симуляции задан, с одной стороны, признанием ложного в человеческой жизни, с другой, эпштейновским ходом по принципу «как бы», демонстрирующим кажимость, видимость как сущностную черту мироустройства. Современный человек теряет перед хаосом симуляции как «докультурный» человек перед неструктурированным хаосом внешнего мира. И это не может не тревожить. В ситуации манипулятивной и дезорганизующей функции симулятивной реальности человек должен научиться духовно-психологически защищаться и освобождаться от иллюзорных образов.

Для цитирования в научных исследованиях

Хабибулина Л.Ф. Маска и имидж как константы симуляции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 2А. С. 172-178.

Ключевые слова

Симуляция, притворство, имитация, маска, ложное представление, самоидентификация.

Люди не так избегают обмана, как вреда, приносимого им;
и на этой ступени они ненавидят не обман, а дурные,
вредные последствия известных родов обмана.
Ф. Ницше

Введение

В социальной жизни человека симуляция занимает не последнее место, справедливо подвергаясь критике. С трудом может представить себе какова роль и значение симуляции в мире, как баснословно велико число фиктивных моделей поведения, с помощью которых человек издревле пытался ввести в заблуждение себе подобных. Среди них особое место занимали симуляции различных болезней. Трудно перечислить количество вымышленных заболеваний, при помощи которых человек, аутентично симулируя симптомы, добивался каких-то определенных целей и выгоды. Можно лишь сделать вывод, что с того времени мало что изменилось в человеческой сущности, и симуляция как притворство всегда была присуща человеку. На протяжении веков «искусство» симуляции не только не утеряно, но и, как представляется, стало еще более тонким и изощренным. «Условно-симулятивную, «кажимую» природу мироустройства» прекрасно уловил и осмыслил М. Эпштейн, называя ее новым емким термином, «союзом-философемой – «КАК БЫ» [Проективный философский словарь, 2003, 149-150]. Философ современности увидел концепт видимости, которая «почти не скрывает своей обманчивости» [Там же, 206].

Как понятие философии постмодернизма симуляция – базовый элемент концепции Ж. Бодрийяра, который объясняет, что «симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [Бодрийяр, 2016, 7-8]. Желание человека исказить сущность вещей является основанием симуляции. Цели могут быть различными, от простых и банальных, как например, стремление ребенка обратить на себя внимание родителей, до более сложных и трудно выявляемых, таких как освобождение от ответственности за содеянное преступление. Но сущность от этого не меняется. Симуляция предполагает наличие имитационных практик, однако не всегда ими исчерпывается, можно сказать, что имитация может входить в симуляцию как небольшая ее часть, как одна из практик. Для понимания онтологической укорененности симуляции в социальном бытии выделим маску и имидж как константы симуляции и эксплицируем их сущностное ядро.

Симуляцией пронизаны многие сферы социального бытия. Это признается многими исследователями. В основе бытия симуляции лежит сокрытие истинного и объективация ложного. По И. Гофману фасад, маска совершенно необходимые элементы того, чтобы в «круговращении утаиваний, лживых откровений» [Гофман, 2000, 39-40] человек вписался в систему социального конструирования и соответствовал воображаемой идентификации. Ю.А. Разинов в работе ««Я» как объективная ошибка», высказывает важную и интересную мысль о том, что вообще-то ложное представление всегда присутствует и даже необходимо для того, чтобы «коммуникация между людьми была успешной» [Разинов, 2006, 206]. Однако, когда речь заходит о взаимных (коммуникативных) утаиваниях и ложных представлениях, которые легитимированы обществом, всегда встает вопрос об операциональном недоверии к субъекту, к его внутреннему содержанию.

Маска-фасад

Маска стара как человечество. О ее роли в развитии человека задумывались многие историки культуры и философы. Например, Рене Жирар считал, что маски не изобретены, они

существовали в ритуальной практике первобытных народов и служили какой-то определенной цели. «Нельзя сказать, что маски изображают человеческое лицо, но они с ним почти всегда связаны в том смысле, что должны его скрывать» [Жирар, 2010, 220]. Здесь еще речь идет о сокрытии только внешнем, которое предполагает обрядово-ролевое поведение в жертвоприношении. Маска помогала архаичному человеку не позволить Другому поймать взгляд, но зато самому произвести захват. И не более того. Здесь речь шла только о прикрытии лица во время обряда жертвоприношения, которое было связано с неспособностью смотреть «на бессмысленную наготу собственного насилия» [Там же]. При помощи маски древний человек отчуждает от себя насилие, его совершает Другой. Имитации и притворства в ношении этой маски нет, поскольку ее функция в другом. Разграничивая тело и образ человека, маска, как точно подмечает О.А. Штайн, еще не несла собой функцию «двоедушного притворства», она позволяла человеку «условно переходить границу между повседневным и трансцендентным» [Штайн, 2016, 25] и ритуально соединять мир живых и умерших.

Ношение маски как атрибута сокрытия истинного, лицемерия и видимости начинает проявляться значительно позже. Никто уже не надевает маски на лицо, маской становится поведение человека в обществе. Ярким примером моральной оценки замены истинного лица человека маской притворства и симуляции являются «Максимы» Ф. Ларошфуко. Обличение человека в его искусственности хорошо передает его афоризм, написанный еще в середине XVII века: «Мы так привыкли прикидываться перед другими, что даже прикидывается перед собой» [Ларошфуко, 2004, 36].

И в XVIII столетии, как красочно описывает великий авантюрист Д. Казанова социальные нормы поведения того времени, для того, чтобы добиться успеха в Риме человек «должен быть чутким хамелеоном, способным воспринимать все цвета окружающей его атмосферы, Протеем, умеющим менять свои формы, изворотливым, вкрадчивым, скрытным, непроницаемым, зачастую подлым, притворно чистосердечным, казаться менее осведомленным, чем есть на самом деле, ... суметь примириться с собственным лицемерием» [Мемуары Казановы, 1991, 73].

Притворство маски, как возможность и необходимость играть по законам общества, ярко передается в «Исповеди маски» японским писателем 20 столетия Юкио Мисима. Он описывает жизнь молодого человека нетрадиционной сексуальной ориентации, вынужденного с детства прятать свою непохожесть на других за маской благопристойности и нормами приличия. Ему удается создавать видимость, симулировать «нормальность» долгие годы, причем по своей воле. Герой, собой же загнанный в угол, так и не сумеет выстроить коммуникацию с людьми. Испугавшись осуждения со стороны общества, он обрекает себя на страшное одиночество, экзистенциальный вакуум. И это страшно. И здесь не так важно, на каком основании возникла подобная ситуация. Она возникла не сама по себе, а из страха быть непринятым, изгоем. Маска, приросшая к его лицу, «проросла» вглубь и закрыла даже от себя непониманием и осуждением. К сожалению, герой Ю. Мисимы так и не находит возможности для самоидентификации.

Другим ярким примером уже полной утраты человеческого облика является пример из фильма «Палач» режиссера В. Никифорова, в котором симуляция становится тотальной. Сюжет фильма построен на реальной истории, произошедшей в годы Великой Отечественной войны. Тонька-пулеметчица в исполнении актрисы Виктории Толстогановой по приказу немцев расстреливала своих же соотечественников в лицо, прямо в упор. Совершала она все преступления, прячась за детской маской зайчика. Свои жертвы она добивала, стреляя прямо в глазницы, для того, чтобы труп не мог запомнить ее. Убийца, совершив около полутора тысяч убийств, после окончания войны благополучно вышла замуж, родила дочь и работала в школе учителем музыки. И если бы не счастливый случай, «деятельность» Антонины так и осталась

бы нераскрытой и недоказанной. На допросах Антонина не раскаялась в содеянных преступлениях, объяснив причину своих поступков проживанием нескольких разных сюжетов жизни. Она симулировала постоянно, и когда убивала, и когда воспитывала детей. И даже когда шла на эшафот. Все перемешалось в ее жизни. Тогда зачем она надевала маску, пряча свое лицо? Чего тогда так боялась? Разобраться сложно. Может быть, она при помощи маски симулировала перед собой? Однако, снимая ее, искренне верила в то, что можно каждый раз превращаться в прекрасного лебедя и начинать все с чистого листа. Антонину расстреляли так же в упор. Симуляция ей дорого обошлась.

Маска как константа симуляции может принимать разные формы. И не всегда ее бытие трагично. Например, в улыбке авгура. Маска в виде улыбки, «приросшая к лицу и тем самым вышедшая на поверхность» [Разинов, 2006, 243], позволяет авгуру «принимать роль, не принимая» [Там же, 245], обманывать, не обманываясь. Улыбка авгура, являя собой готовность «жить в мире фиктивных персонажей, симулякров», означает сохранение своей приватной сферы в кругу посвященных, таких же авгуров. В этом случае улыбка авгура, прорицателя, не верящего в проповедуемую им истину, означает «лишь симуляцию, ношение маски» [Там же, 243]. Авгур-ианский тип человека никогда не теряет идентичности, поскольку он, внешне симулируя улыбку маски, охраняет себя изнутри. Он понимает себя, принимает и поэтому сохраняет.

Все это разные уровни симуляции. Если герой Мисимы сам же и страдает от симуляции, не приняв себя в качестве центра бытия, концепция авгура в ожидании истины, которая непременно явит себя. А до того момента, можно играть, симулировать, не нанося вреда себе и другим. Образ же Антонины страшен и безобразен в своих проявлениях. Когда в человеке побеждает зло, он как копия отстывает от оригинала, первоначально замысленного богом; таким образом «человек перестает быть собственно человеком, ибо для него утрачивается тот первообраз, по подобию которого он замыслен и существует. Теперь он становится копией совсем другого оригинала» [Самохвалова, 2010, 174].

Имидж как симулятивная практика

Наряду с маской-фасадом существует еще симуляция внешнего образа человека – имидж, который предшествуют облику. Имидж – не столько духовное, внутреннее образование, сколько внешнее. Он создается ситуативно в контексте социального самоопределения и чаще всего симулятивно как «образ того, чего на самом деле нет» [Шатунова, 2015, 577]. Яркий пример такой симулятивности внешний образ Майкла Джексона, созданный им искусственно. Философия певца талантливо воплотилась в создании человека новой расы. Но в идее Майкла Джексона все перемешалось и стало чистым симулякром. А симулякры, по мысли Ж. Бодрийера, обладают свойством соблазна, они соблазняют человека, приглашая верить в то, что они истинные. Телами-симулякрами сейчас заполнен мир. «ТЕЛО-МАДОННА, ТЕЛО-СТАЛИН, ТЕЛО-ШВАРЦНЕГГЕР, ТЕЛО-РЕП, НАЦИ-ТЕЛО» [Подорога, 1999, 180], – восклицает Валерий Подорога, дискутируя с Жаном-Люком Нанси об анатомии тела. Мы замечаем, что сегодня повсюду возобновляются потерянные способности, или потерянное тело, или потерянная социализация, или потерянный вкус к еде. Опять возрождаются аскетизм, дикая естественность, здоровая еда, старинные телесные практики. Происходит все так же, как описывал Бодрийер: «Люди больше не ходят пешком, но занимаются оздоровительным бегом» [Бодрийер, 2016, 22].

Это в рекламном слогане «Имидж – ничто...», в жизни все иначе. «Дело не в том, кто ты есть. Важно, каким ты кажешься. Как тебя воспринимают» [Гиренок, 2014, 71]. Быть, а не

казаться очень сложно современному человеку, особенно молодому, не каждый себе может это позволить. В молодежной субкультуре общность стиля жизни, ценностей и норм не способствуют развитию личностной самоидентификации, здесь правит «романтика группы», которая успешно культивирует экзистенциальное отчуждение эскапистского характера. Таким способом неформалы иногда успешно, чаще – не очень, пытаются уберечь мир от однообразия и пресности. Хиппи и панки, готы и эмы обнаруживают стереотипы поведения, обусловленные желанием освободиться от условностей, установок общества, нередко противопоставляя традиционным нравственным принципам вседозволенность. Неустойчивость психики провоцирует бурное проявление чувств, фантазии, которые приводят к игнорированию условностей, каких-либо нравственных запретов и авторитетов.

В молодежных субкультурах достаточно распространена симуляция как имитация внешнего образа, создание определенного имиджа. Можно наблюдать некоторый конформизм примкнувших к субкультуре людей, которые таким способом пытаются найти свою нишу в молодежной среде. Интересны в этом отношении наблюдения О. Аксютинной, которая описывает феномен симулякризации панка, утратившего свое идейное наполнение. Она рассматривает формирование «некого симулякра панка, яркой картинки, которая неплохо продается» [Аксютинна, 2003, 84-85]. Панки увлеченно следуют определенному внешнему имиджу, выражающемуся во внешней атрибутике и символике, будь то стиль, цвет одежды, использование определенных аксессуаров. Каждый раз изображая из себя панков, они симулируют, тем самым тиражируя образ совершенно далекий от идей панк-культуры. Без определенной идейной основы они являются лишь симулякрами, ложным подобием настоящего панка. Нужно согласиться с исследователем в том, что мальчики и девочки из благополучных семей, утром спешащие в университет, а вечером ряженые в какие-то несуразные одежды, не несут в себе ничего, кроме имитации внешнего образа.

Заключение

Выявив различные проявления симуляции, нашедшие свое выражение в концептах маски и имиджа, можно сделать вывод о том, насколько прочно она укоренена в бытии человека. Поэтому и воспринимается вполне естественно. Во всех приведенных примерах маска и имидж как симулятивные практики, изменяя внешнее, видимое, лицевое в человеке, затрагивают и внутреннее, изнаночное. Однако смысловое поле маски и имиджа не совпадает, поскольку ношение маски предполагает утаивание, сокрытие реального, а создание имиджа – его искажение. В любом варианте в желании остаться самим собой, сохранить свою идентичность и единичность, человек не должен потерять свое лицо.

Библиография

1. Аксютинна О. Панк в России 90-ых: протест или товар // Философские науки. 2003. № 5. С. 83-96.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2016. 240 с.
3. Гиренко Ф.И. Фигуры и складки. М.: Академический Проект, 2014. 244 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
5. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литер. обозрение, 2010. 448 с.
6. Мемуары Казановы. М.: Советский писатель, Олимп, 1991. 464 с.
7. Ларошфуко Ф. Максимумы. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2004. 796 с.
8. Подорога В. Эпоха Corpus'a? М.: Ad Marginem, 1999. С. 171-216.
9. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. С. 149-150.
10. Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара: Универс групп, 2006. 262 с.

11. Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). М.: Брис-М, 2010. 304 с.
12. Шатунова Т.М. Эстетическая метафизика лица // Современные проблемы науки и образования. Пенза: Академия Естествознания, 2015. С. 577.
13. Штайн О.А. Маска: стратегии идентичности. СПб.: Алетейя, 2016. 160 с.

Mask and Image as Constants of Simulation

Liliya F. Khabibulina

PhD in Philosophy, Associate professor,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: lilia-fiat@mail.ru

Abstract

The means of solving the conflict between simulative reality and a person losing its existence are analyzed in this paper in the context of contemporary development of culture and society. The author tracks the boundaries beyond which the process of simulacration of the man himself takes place. In this paper such questions are raised as: of possible authentic self-identification of a modern person in conditions of the total simulation and of possibility of avoiding the necessity to stimulate. Sticking to the usual interpretation of simulation which in most cases is associated with imitation and the fake aimed at trying to distort the reality and mislead, the author points out typical constants of simulation which are manifested in the concepts of mask and image. A new turn in interpretation of the phenomenon of simulation is taken on one hand by recognizing the false in human life, on the other hand by Epstein's way based on the principle of "a kind of", demonstrating seeming, appearance as a substantial feature of the world order. A contemporary person gets lost in front of the chaos of simulation just as a primitive (uncultured) person in front the chaos of outside world. And this is a worrying trend. In the situation of manipulative and disruptive function of simulative reality a person has to learn to protect himself by means of psychological methods, inner world resources and to get rid of illusory images.

For citation

Khabibulina L.F. (2018) Maska i imidzh kak konstanty simulyatsii [Mask and Image as Constants of Simulation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (2A), pp. 172-178.

Keywords

Simulation, pretense, irritation, mask, false impression, self identification.

References

1. Aksyutina O. (2003) Pank v Rossii 90-ykh: protest ili tovar [Punk's 90 in Russia: protest or product]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 5, pp. 83-96.
2. Baudrillard J. (2016) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ.
3. Girard R. (2010) *Nasilie i svyashchennoe*. [Violence and sacred]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
4. Girenok F.I. (2014) *Figury i skladki* [Shapes and folds]. Moscow: Academic Project Publ.

5. Gofman I. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. [Introducing yourself to others in everyday life]. Moscow: KANON-press Ts and Kuchkovo pole Publ.
6. (1991) *Memuary Kazanovy* [Memoirs of Casanova]. Moscow: Sovetskii Pistael, Olimp Publ.
7. La Rochefoucauld F. (2004) *Maksimy* [Maxims]. Moscow: Pushkin library Publ.
8. Podoroga V. (1999) *Epokha Corpus'a?* [The era of Corpus'a?]. Moscow: Ad Marginem Publ.
9. *Proyektivnyi filosofskii slovar: Nove terminy i ponyatiya* (2003) [Projective philosophical dictionary: new terms and concepts]. St. Petersburg: Aleteya Publ.
10. Razinov Yu.A. (2006) *«Ya» kak obyektivnaya oshibka* [I as an objective error]. Samara: Universe group Publ.
11. Samokhvalova V.I. (2010) *Bezobraznoye: Razmyshleniya o ego prirode. sushchnosti i meste v mire (K fenomenologii. metafizike. metodologii ponimaniya)* [Reflections on the nature of the entity and its place in the world. Phenomenology, metaphysics, methodology for understanding]. Moscow: Briz-M Publ.
12. Shatunova T.M. (2015) *Esteticheskaya metafizika litsa* [Aesthetic facial metaphysics]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. Penza: Publishing House of the Academy of natural sciences.
13. Stein O.A. (2016) *Maska: strategii identichnosti* [Mask: identity strategy]. St. Petersburg: Aletheia Publ.